

УДК 947.6 «1863/1864»

О. В. Карнович

историк (г. Брест)

e-mail: oleg3080@bk.ru

СОБЫТИЯ ВОССТАНИЯ 1863 г. В ПИНСКОМ УЕЗДЕ

На основе архивных источников и ранее опубликованных материалов рассказывается о событиях восстания 1863 г. на территории Пинского уезда. Отражена подготовка к выступлению, а также отношение к нему различных слоев населения региона, приведена подробная хронология боевых действий повстанческих отрядов с частями регулярной армии с указанием потерь каждой из сторон. Отмечены факты грабежей и насилия со стороны повстанцев по отношению к мирному населению, а также убийства жителей Пинского уезда, остававшихся верными правительству.

Введение

События восстания 1863–1864 гг. в отдельных регионах современной Беларуси в отечественной историографии до недавнего времени были освещены довольно скупо. Однако к 150-летию восстания в 2013–2014 гг. вышли в свет научно-популярные издания и научные статьи, посвященные региональным аспектам восстания на территории Гродненской и Виленской губерний [1–9]. Автор этого материала несколько лет назад также внес свой вклад в освещение проблем восстания 1863 г. на территории ряда регионов Гродненской и Минской губерний [10–13].

В новом исследовании сделана попытка подробного анализа положения накануне и в период восстания 1863 г. на территории Пинского уезда Минской губернии в его границах в соответствии с административным делением того времени.

Накануне восстания

Пинские земли, как и ряд других регионов Беларуси, стали ареной восстания в феврале 1863 г., когда на территорию Пинского уезда вошел повстанческий отряд Романа Рогинского, отступавший под натиском регулярных войск генерал-майора графа И. Г. Ностица из Гродненской губернии. Собственно, к моменту вступления на территорию Пинщины боеспособность отряда уже была значительно подорвана, и как мощная боевая единица он перестал существовать еще в результате ряда поражений в Гродненской губернии. К боевым действиям отряда Рогинского в регионе вернемся позже, а пока остановимся на том, что представлял собой Пинск по состоянию на 1863 г. и как проходила подготовка к восстанию.

Пинск в середине XIX в. был небольшим провинциальным городком – уездным центром Минской губернии. Согласно некоторым сведениям, в 1862 г. население города насчитывало чуть более 10 970 человек, в городе было 28 улиц, на которых стояло 1 265 домов, по большей части деревянных. Общая численность населения Пинского уезда составляла чуть более 114 тысяч человек, из которых примерно 10 % составляли евреи [18, ч. 1, с. 460].

Первые волнения в Пинске и уезде начались еще в 1861 г., сразу после манифестаций в Варшаве и расстрела митингующих войсками. Главными центрами протестов в Пинске стали францисканский костел и уездная гимназия. В ночь на 24 октября 1861 г. гимназисты старших классов установили на территории костела около изображения Христа Спасителя черный с белыми полосками крест. На правой стороне креста была изображена святая Матерь Божья, с левой стороны – портреты короля Ягайло и королевы Ядвиги и герб Польши с надписью «Памяти первого объединения Польши с Литвой». Этот поступок гимназистов вызвал широкий резонанс в городе, и с самого утра ополча-

ченные жители устремились в костел. Как отмечала затем в своих воспоминаниях супруга влиятельного помещика Пинского уезда Казимира Скирмунта Елена, ставшая известным скульптором-художником, гимназисты намерены были в случае покушения полиции на крест оборонять его всем коллективом [19, с. 25].

Подобные акции у костела в уездном центре повторились еще с 27 по 29 октября. Одновременно с этим свое слово сказали ученики местной гимназии. Как следует из архивных документов, именно ученики 6 класса Антон Шиманский и Антон Рыдзевский стали организаторами траурных литургий в костелах и «пения запрещенных гимнов», главным из которых являлся «*Jeszcze Polska nie zginęła*», за что и были исключены из учебного заведения. В ответ их одноклассники в сообществе с другими учениками самовольно ушли с урока на глазах окружного инспектора Виленского учебного округа. 27 октября в городе случился пожар, во время которого толпа, состоявшая из остальных гимназистов, угрожала исправнику и городничему. В этом ничего нет удивительного, ведь из 18 учителей гимназии 13 «были поляками и католиками» [37, с. 21]. Беспорядки в гимназии не остались незамеченными и в Вильно. Попечитель Виленского учебного округа князь Александр Ширинский-Шихматов в своем донесении главе Минской губернии графу Эдуарду Келлеру сообщал о принятых мерах, по которым был уволен учитель географии Селенс, переведен в Белосток инспектор гимназии Павел Овчинников, остальным педагогам, кроме нескольких лиц, за которых поручился директор, был объявлен выговор. «Бастовавшие» гимназисты были также исключены – всего 31 ученик [21, с. 56–57].

Оставшиеся гимназисты не ограничились «пассивным» сопротивлением и свою ярость переключили на гимназическое начальство. Следует отметить, что сам директор гимназии Иван Шульгин, пытаясь погасить недовольство среди гимназистов, применял и жесткие меры, чем спровоцировал еще большие беспорядки. Катализатором послужил случай с учеником Ксаверием Остроменцким, который только заступился за своего товарища перед директором, но был «посажен в карцер и там жестоко наказан до сорока ударов розгами, без постановления Педагогического совета и при помощи пяти человек, по бывшей части лиц посторонних». Такое поведение директора гимназии получило широкую огласку среди окрестных помещиков, которые стали забирать из гимназии своих родственников. Дорого оно обошлось и самому Шульгину. Квартира директора гимназии перешла на осадное положение, а битье окон стало обыденным явлением. В итоге Шульгин был отстранен от должности и переведен в Мозырь. Но и на этом его злоключения не закончились. Как писал позднее очевидец, «в трех верстах от Пинска целых пять дней стояла открытая могила, приготовленная ему известными в городе мятежниками, ожидавшими выхода его из церкви после всенощной, чтобы увезти его за город и там с ним покончить». Вовремя предупрежденный архимандритом пинского монастыря, Шульгин сумел спастись. Позднее засада ждала его при выезде из Пинска в Мозырь. Однако и в Мозыре он не задержался надолго. При переезде из Мозыря в Ковно Шульгина также ждала засада в лесу, однако, «предупрежденный об этом, он избежал смерти тем, что тайком выехал двумя днями раньше, чем ожидали. Но мятежники пустились за ним в погоню, узнав о его отъезде и не нагнав его, сожгли станцию Ляды; избили русского зрителя и увели всех почтовых лошадей» [21, с. 57–60]. Впрочем, эти волнения не оказали какого-либо значительного влияния на судьбу Пинска и уезда, и до начала восстания регион продолжал жить своей обычной жизнью.

Боевые действия

Первые события восстания бурного 1863 г. в Пинском уезде произошли в феврале, и связаны они с появлением в регионе первых повстанцев. Это был повстанческий отряд комиссара Подляского воеводства (по терминологии и административному делению

повстанческих властей Варшавы), 22-летнего выпускника польской военной школы в Генуе Романа Рогинского. Его повстанцы в конце января вступили на территорию белорусских земель из Царства Польского, уходя от преследовавших их войск все дальше на восток. Пройдя с боями через Брестский, Пружанский и Кобринский уезды Гродненской губернии, теряя в многочисленных схватках своих людей, Рогинский рассчитывал поднять на борьбу Полесье, попутно надеясь на помощь местного населения.

После успешного захвата Пружан Роман Рогинский вошел в местечко Любешев Пинского уезда. Там он получил сообщение, что из Пинска на поиск повстанцев вышел пехотный батальон, а в самом городе остался небольшой гарнизон. Воспользовавшись уходом из города основных сил, Рогинский решил атаковать город. Для проверки информации и установления связи с местной подпольной повстанческой организацией в город был послан помощник Рогинского Волович, который вернулся через два дня с полицейским урядником Юрашкевичем, учителем Пинской гимназии Остроумецким и гимназистом Владиславом Круликовским, поступившими в отряд [33, с. 207]. Тогда же и выяснилось, что уход из Пинска основных сил был дезинформацией. Об этом писал позднее сам командир повстанцев: в Любешеве «представились две дороги: идти на Волынь или к Пинску. Известия, полученные мною (после они оказались ложными), побудили меня идти к Пинску. Гарнизон в Пинске был невелик: рота инвалидов, рота пехоты и сотня казаков. Городское население, по-видимому, хорошо подготовлено к восстанию. Но доходя верст 10 до Пинска, посылаю туда Воловича, который хорошо знал положение дел в городе. Сам же пишу письмо к предводителю дворянства Любомирскому. Прошу помочь мне, когда я сделаю нападение на город наступающею ночью. Нас было 130 человек. Городской гарнизон собрали под стенами православного собора. Любомирский в содействии отказал, а город, как оказалось, не имел никакой организации» [20, с. 450]. Очевидно, с течением времени память подводила Рогинского, так как в 1863 г. предводителем дворянства Пинского уезда значился князь Э. И. Друцкий-Любецкий [17, с. 193].

Простояв безрезультатно под Пинском два дня, Рогинский получил информацию о скором приближении почтовой эстафеты, перевозящей значительную сумму денег из Пинска в Минск. Вечером 9 февраля на мосту через р. Ясельду в 3 км от почтовой станции Иванисовка и в 11 км от Пинска повстанцы перехватили обоз. Так описывал эту акцию в своем рапорте на имя начальника Отдельного корпуса жандармов князя Долгорукова начальник Минского губернской жандармерии полковник Б. К. Рейхарт: «Отправленная из г. Пинска 9 февраля параконная эстафета с Лышчанским станционным смотрителем Кильбергом на пути из Пинска до станции Иванисовки была остановлена шайкой мятежников, и, когда смотритель и ямщик начали гнать лошадей, то злоумышленники выстрелами убили ямщика и лошадей, а также ранили в шею смотрителя Кильберга; после чего ушли в корчму и, распечатав эстафету, по прочтении сожгли, а потом, дождавшись следовавшей из Пинска почты, разграбили, ранив везшего ямщика в руку» [30, с. 430]. С почтового фургона, кроме секретной переписки властей, были захвачены также деньги на сумму в 4 800 рублей серебром и векселя на 5 546 рублей 50 копеек. Осуществив налет, Рогинский направился лесами в имение князя Любомирского. Перед ограблением почты, по сведениям властей, повстанцы зашли в имение Стаховичи помещика Рачинского, откуда, «потребовав продовольствия, взяли с собою насильно сына его, Рачинского, Эдуарда и двух служителей» [14, ч. 1, с. 266–267].

11 февраля командующий Брестским соединением генерал-майор граф И. Г. Носиц разделил свои войска на 4 батальона и отправил их вслед за Рогинским. Первый отряд под командованием штабс-капитана Евдокимова (рота 7-го Ревельского пехотного полка и 70 казаков) двинулся по направлению к Лунину. Второй батальон капитана Евстратова (рота Ревельского полка и 100 казаков) направился к Логишину. Третий

отряд подполковника Вимберга (рота ревельцев и 50 казаков) двигался вдоль канала Огинского. Четвертый отряд капитана Нефедова в составе одной роты того же полка и 25 казаков был направлен в район Кожан-Городка с задачей перекрыть Припять и не дать повстанцам Рогинского переправиться на ее левый берег. В этот же день Рогинский вошел в имение Лунина предводителя дворянства князя Эдвина Друцкого-Любецкого, где получил продовольствие и несколько лошадей.

14 февраля повстанцы достигли небольшого селения Борки Пинского уезда. Это была бедная деревушка, состоявшая из нескольких деревянных домов и ряда хозяйственных построек. Отряд расположился лагерем среди этих строений и устроился на ночлег. В ночь с 14 на 15 февраля лагерь внезапно атаковала колонна штабс-капитана Евдокимова. Наспех построенные баррикады из возов не спасли повстанцев от полного разгрома. Как вспоминал Рогинский, «тут уже не было речи о победе, каждый думал только о том, чтобы продать свою жизнь, как можно дороже. Начинают стрелять... Выстрелы, надо правду сказать, были метки. Редели наши ряды. Не проходило минуты, чтобы кто-нибудь из нас не падал мертвым, не успев даже крикнуть. Остаток наших строится клином и начинает отступать» [19, с. 450]. Из отряда, насчитывавшего 85 человек, сумело скрыться только 12 человек во главе с Рогинским. 24 повстанца попали в плен, остальные погибли или разбежались. Среди взятых в плен находился и прапорщик 13-й артиллерийской бригады Богуслав Павлович, самовольно оставивший часть и присоединившийся к Рогинскому еще на территории Польши. Трофеями Евдокимова стали 18 возов с оружием и продовольствием, 49 лошадей [14, ч. 2, с. 68]. Повстанческий отряд как боевая единица перестал существовать. Остатки отряда Рогинского были окончательно рассеяны в тот же день в столкновении у Родостовского леса близ Хотынич (70 верст от Пинска) войсками во главе с командиром Ревельского пехотного полка бароном Бринкеном. Согласно рапортам военных, у повстанцев был убит один человек, несколько ранено и один невредимым попал в плен. Оставшихся людей из отряда Рогинского еще несколько дней ловили по лесам местные крестьяне.

Сам Рогинский вместе с несколькими своими людьми был задержан местными крестьянами 19 февраля в Турове и передан властям. 22 февраля повстанцев под усиленным конвоем доставили в Пинск, где произошла его личная встреча с графом Ностицем. Вот как описывал эту встречу сам повстанческий командир: «Здесь в первый раз я встретился лично с генералом Ностицем. Он вошел в комнату, где собралось много офицеров, с любопытством рассматривавших меня, и, обращаясь ко мне, сказал по-русски: «Г-н Р., я вашу храбрость уважаю. Подал бы вам руку, но руки ваши обагрены кровью моих соотечественников. Вы подняли мятеж против нашего государя и народа. Если вам это будет прощено, останемся друзьями... Спросив, не устал ли я и не голоден ли (36 часов я был в походе), вызвал меня в другую комнату, позволил мне умыться и начал разговор о судьбе нашего отряда» [20, с. 152].

Сведений о составе отряда Романа Рогинского крайне мало. Удалось установить фамилии лишь немногих лиц, оказавшихся в составе самого первого на территории современной Беларуси повстанческого отряда. Так, достоверно известно, что в разное время к отряду Рогинского присоединились учитель Пинской гимназии Остромецкий, ученики этой же гимназии Кроликовский и Кучевский, ксендз Мозырской гимназии Выгановский, чиновники Пинского уездного суда Тржецяк, Винский, Шепилло, Павел и Франц Морозы, отставной пехотный поручик Кеневич, прапорщик Двораковский, дворянин Калаур [16].

Разгромив повстанцев, граф Ностиц начал наводить порядок в самом Пинске. В рапорте на имя командующего 2-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта З. С. Манюкина он писал: «Тревожное настроение умов города и уезда, не предвещавшее ничего доброго, умиротворилось сделанными арестами личностей, имевших тайное и неблаго-

мыслящее влияние на молодежь». Были арестованы секретарь уездного предводителя дворянства Валентий Тржетяк, секретарь уездного суда Генрих Щипилло, секретарь земского суда Франц Мороз, уволены уездный исправник Венедикт Флигель, городничий поручик Волчанинов и почтмейстер. Про последнего И. Г. Ностиц докладывал, что тот «личность очень подозрительная... пославший 9-го числа в Минск денежную почту, зная, что шайка у города» [14, ч. 2, с. 69].

После ликвидации повстанческого отряда Рогинского в Пинском уезде наступило временное затишье, связанное с подготовкой летнего этапа восстания. По имениям помещиков осуществлялся сбор финансов, заготовка продовольствия, фуража, амуниции для весенней части кампании, шел набор живой силы для повстанческих отрядов.

Во всех уездах Минской губернии, в том числе Пинском, создавались подпольные повстанческие организации для руководства и координации деятельности отрядов в регионах. Сведений о повстанческой организации Пинского уезда имеется немного, но известно, что руководство было назначено из Минска. Повстанческим воеводой Минской губернии был крупный помещик Корнелий Пеликша, впрочем, ничем себя не проявивший, и при первой возможности уехавший за границу. На его место был поставлен помещик Гектор Лапицкий, который развернул активную деятельность по подготовке восстания на Минщине. Как отмечалось в донесении на имя шефа Отдельного корпуса жандармов князя В. А. Долгорукова, «воевода имел в губернии гражданскую и военную власти, он распоряжался сбором денег, формированием шаек, назначением им начальников и изыскиванием всего необходимого для поддержания мятежа» [36, с. 95]. Пинским уездным начальником являлся помещик Александр Скирмунт, которого затем сменил капитан путей сообщения Владислав Руммель. Он был арестован и 15 января 1864 г., находясь в Слуцкой тюрьме, покончил собой. Таким образом, была утеряна возможность раскрытия тайны всех членов организации. Поэтому приходится пользоваться лишь отрывочными сведениями о деятельности этого повстанческого комитета и его составе. Имение Деревная Пинского уезда, принадлежавшее Руммелю, было конфисковано.

Весной на всей территории Минского воеводства (по повстанческому административному делению) прошел первый сбор добровольных пожертвований на нужды восстания – по 5 % с годового дохода. В основном он коснулся только состоятельного дворянства. Не секрет, что многие помещики всеми возможными способами уклонялись от таких пожертвований, многие специально занижали суммы годового дохода, а некоторые помещики решили переждать неспокойное время за границей. Но были и такие, кто добросовестно перечислял денежные средства. Известен случай с сыном бывшего предводителя уездного дворянства Виктора Орды Витольда, который, получив около полумиллиона рублей наследства от отца, значительную часть от этой суммы отдал в помощь восстанию [32, с. 52].

Учитывая важное стратегическое положение Пинского уезда, руководство Виленского военного округа разместило в Пинске и окрестностях Полтавский пехотный полк в полном составе, откуда можно было направлять его подразделения по разным местам. В помощь придавались отдельные роты Псковского и Ревельского пехотных полков [14, ч. 2, с. 217]. Дальнейшие события показали своевременность принятых мер.

Боевые действия в Пинском уезде возобновились в июне 1863 г., когда, уходя от преследования русских войск, сюда из Кобринского уезда перешел отряд Ромуальда Траугутта. Забегая вперед, нужно отметить, что именно повстанцы Траугутта не давали спокойной жизни властям Пинского уезда весь июнь 1863 г. Попутно его отряд отменял карательными мерами в отношении мирного населения. Как следует из журнала военных действий в Минской губернии, 1 июня в д. Великая Гать «шайка инсургентов... повесила здесь без всякой причины дьячка Свято-Вольской церкви». Узнав об этом,

военный начальник Пинского уезда полковник Дмитрий Назимов выдвинул для преследования повстанцев две роты Полтавского пехотного полка под общим командованием капитана Тишецкого, которые настигли их на отдыхе у д. Вулька. По сведениям военных властей, 5 июня «мятежники, увидав приближающийся отряд, бросились из деревни, где они отдыхали и поспешно бежали в топкие болота, поросшие лесом. Войска кинулись за ними и преследовали, пока совершенно все не скрылись из виду. Потеря мятежников в этом деле состоит из 20 убитых. Кроме того захвачено: 3 повозки, 5 лошадей, 8 пудов свинцу, 6 ружей». Военные потеряли по 3 человека погибшими и ранеными.

Спустя несколько дней, 11 июня близ Столина 17-я и 20-я роты того же Полтавского полка в кровопролитном бою разбили некий отряд, по сведениям властей численностью около 500 повстанцев. Как доносил майор Крамер, «по дороге, по которой мятежники отступали, найдено 63 тела. У нас же 10 убитых и 17 раненых». Предполагается, что этим отрядом командовал Ромуальд Траугутт [14, ч. 2, с. 207–208].

В Альтановской пуще 17 июня в имении князя Радзевича рота поручика Петровского в столкновении с повстанцами того же Траугутта рассеяла их, при этом «обоз весь с оружием, порохом, двумя лошадьми остался в руках наших» [31, с. 432].

На следующий день, 18 июня, в Столинском лесу 13-я и 16-я роты Полтавского полка подполковника Плешкова обнаружили «хорошо вооруженных инсургентов в большой массе, живо построившихся». Повстанцы «упорно защищались и отступили довольно медленно». Войска потеряли убитым одного солдата, потери повстанцев не указывались. В том же донесении подполковник Плешков особо отметил жителей Столина, указавших властям расположение отряда Траугутта: Якова Лукашевича, Клима Наумчика и Демьяна Годного из д. Маньковичи [31, с. 433].

Спустя еще день, 19 июня, близ села Колодное 20-я рота Полтавского полка майора Семигановского¹ настигла арьергард отряда Траугутта «в числе 63 человек и после непродолжительной, но сильной перестрелки разбила их и обратила в бегство. На месте осталось убитыми более 20 человек, ранено и взято 4 человека. С нашей стороны убитых и раненых нет» [31, с. 433]. Попутно в лесу близ села Речица «пойманы казаками 7 человек инсургентов, отделившихся от шайки, разбитой поручиком Петровским» [31, с. 433]. После этого сражения Ромуальд Траугутт, не рискуя больше ввязываться в открытое противостояние с войсками, разделил свой отряд на несколько групп и оставил его. С несколькими верными ему людьми он окольными путями добрался до имения Людвиново, принадлежащего семье Ожешко, где и скрылся на некоторое время от посторонних глаз.

Во второй половине июня в Пинский уезд перебрался небольшой отряд (до 70 человек) помещика Брестского уезда, отставного капитана русской армии Казимира Нарбута, в основном состоявший из кавалерии и сформированный из дворян Кобринского и Брестского уездов. Первоначально Нарбут действовал на территории Брестского и Кобринского уездов, затем под давлением войск был вынужден сменить место базирования. Известно, что 21 июня к нему присоединились гимназисты Владислав и Никодим Левицкие. В этот же день 3-я рота Псковского пехотного полка при поддержке 20 казаков 5-го Донского полка под общим командованием майора Кека² между селениями Житновичи и Кончицы настигла отряд Нарбута. В результате столкновения, как следует из рапорта майора, был ранен «трубач Донского... полка, а мятежнических тел найдено на болоте убитых 7». Кроме того, захвачен небольшой обоз, 9 лошадей

¹ Майор Павел Яковлевич Семигановский (в чине с 1860 года) // Список майорам по старшинству. – СПб. : Воен. тип., 1866. – С. 199.

² Майор Бернгард Яковлевич фон Кек (в чине с 1854 года) // Список майорам по старшинству. – СПб. : Воен. тип., 1855. – С. 373.

и 6 ружей [31, с. 436]. После боя поредевший отряд, ограбив фольварк Сенчицы, ушел в Ковельский уезд Волынской губернии [30, с. 71].

В конце июля в Пинском уезде появился еще один повстанческий отряд, базирование которого здесь не было продолжительным. Предположительно, это были повстанцы помещика Слонимского уезда Франца Юндзилла. Около д. Вулька Обровская, на границе Пинского и Слонимского уездов, 3 августа рота Полтавского пехотного полка подпоручика Горбатовского в кровопролитном сражении разбила их. Как отмечал в своем рапорте позднее офицер, погибло от 30 до 40 повстанцев, четыре человека взято в плен, кроме того, захвачен большой обоз, в числе которого несколько пудов говядины, походная аптека, большое количество одежды. После этого боя уцелевшие повстанцы ушли обратно на территорию Слонимского уезда [14, ч. 2, с. 302; 30, с. 439].

В первой половине августа активные боевые действия повстанческих отрядов и правительственных войск на территории Пинского уезда полностью были завершены. Еще некоторое время казаки при помощи местных крестьян периодически вылавливали поодиночке скрывавшихся в лесах раненых и больных повстанцев, но существенного влияния на обстановку в уезде это уже не оказало.

Последствия восстания

Относительная стабилизация ситуации в Пинском уезде позволило властям начать мероприятия, связанные с выявлением прямых и косвенных участников восстания, особое внимание уделялось Пинской подпольной повстанческой организации. Как отмечалось выше, сведений о составе этой организации практически не сохранилось. Да и те данные, которые были добыты следствием по горячим следам, поставили перед властями скорее больше загадок, чем ответов. Повстанческий комитет был блестяще законспирирован, и отдельные фамилии членов организации не проясняли общую картину. К тому же ключевой участник организации, захваченный властями, внезапно покончил с собой.

В июне 1863 г. начала работу следственная комиссия по г. Пинску и уезду. Аналогичные комиссии были образованы по распоряжению М. Н. Муравьева еще в 5 уездных центрах Минской губернии. Он ставил перед комиссиями задачу «расследования поступков всех лиц, которые участвовали в бунте в большей либо меньшей степени, непосредственно или опосредованно». Нужно было «притянуть к ответственности также и тех обывателей, которые давали приют повстанцам, доставляли им хлеб, оружие и деньги» [15, с. 113]. Таких «обывателей» по уезду оказалось немало. Так, окрестности Столина, имения Воронье (помещиков Солтанов), Колодное (Елены и Казимира Скирмунт), Руца (Гортензии Скирмунт) были приспособлены под своего рода логистические пункты повстанческих отрядов [37, с. 24]. Туда поступали продовольствие, боеприпасы, финансовые средства, одежда и т. д.

Согласно ряду архивных источников, в общей сложности в восстании 1863 г. на территории Пинского уезда прямо или косвенно (оказание материальной, продовольственной помощи, укрывание раненых участников восстания, утаивание от властей сведений о повстанческих отрядах и т. д.) участвовал 41 представитель дворянского сословия: 22 человека были отставными либо действующими офицерами русской армии, а также беспоместными дворянами и 19 помещиков [23–27]. По данным на 1859 г., в Пинском уезде проживало 175 помещиков. Следовательно, в целом участие в восстании приняло 10,8 % помещиков.

Власти не особо церемонились с «нераскаявшимися» дворянами, захваченными с оружием в руках. Таких после тщательной проверки при отсутствии за ними более тяжких преступлений (истязания и убийства мирных жителей, командование отдельными отрядами, измена воинской присяге) в лучшем случае высылали во внутренние регионы империи, в худшем – их ждало лишение дворянства и всех прав, конфискация

недвижимого и движимого имущества и высылка на каторжные работы, как исключительная мера – смертная казнь. Во внутренние губернии были высланы следующие представители элиты Пинского уезда: Игнатий Горбачевский, Тит Красовский, Мечислав Ярошевич (всем каторжные работы на 4 года); помещики Франц Кеневич, Казимир и Елена Скирмунты (все высланы в Томскую губернию); Эдмунд Онихимовский (выслан в Пермскую губернию); предводитель дворянства Иван Лемешевский (выслан в Тамбовскую губернию); врач Владислав Горнич (сослан в Сибирь); эконом имения Колодное Юзеф Глебович (выслан в Томскую губернию). Подвергнуты усиленному сбору в 10 % годового дохода с имения помещики Константин Юндзил, Ядвига Стаховская, Эдуард, Витольд и Людвиг Корсаки. За помощь повстанцам каждая шляхетская семья из окрестностей Шоломичи и Лосичи была оштрафована на сумму от 10 до 25 рублей [37, с. 25].

Согласно тем же архивным материалам, участие в восстании приняли 15 крестьян. Известно, что в большинстве случаев пойманных крестьян после некоторых следственных процедур, если за ними не числилось серьезных преступлений, власти возвращали на прежнее место жительства под поручительство общины. Тем не менее некоторые крестьяне также были высланы вглубь империи: Иосиф Короткевич (отправлен в арестантскую роту в Костромской губернии); Семен Кутракович, Феликс Лукашевич, Антон, Даниил и Тихон Сагановичи, Иван и Петр Тихончуки (все в Томскую губернию); Петр Тихонович, Викентий Филипович, Иван и Семен Куратники (отправлены в Москву).

Пинскую гимназию самовольно покинули 24 ученика, 16 уроженцев Пинского уезда не вернулись на учебу в гимназию Минска [28, л. 4об, 88]. Еще 32 пинских гимназиста не вернулись в учебное заведение после каникул: по 12 учеников I–II классов, 3 ученика III класса, один IV и четыре V классов [29, л. 19–20]. В итоге Пинская гимназия не досчиталась 56 своих воспитанников. Точных данных, сколько гимназистов ушли в леса, нет, но можно предположить, что многие из них примкнули к повстанцам. Так, известно, что 22 июня 1863 г. в отряд Казимира Нарбута поступили Никодим и Владислав Левицкие (16 и 17 лет соответственно), ученики гимназии Пинска. Вызывает интерес прошение арендатора фольварка Сенчицы дворянина Антона Левицкого на имя военного начальника Пинского уезда полковника Верховского, где он описывает этот случай: «Большая шайка мятежников, сильно вооруженная, на оседланных лошадях, приостановилась во дворе и, тотчас начав грабить, забрала, сколько могу помнить, мою лошадь с седлом, две повозки, сопряженные моими другими лошадьми, овса несколько четвертей, из кухни кастрюлю и прочую движимость, а сверх того, схватив на дворе малолетнего моего сына Никодима, имеющего от роду лет шестнадцать, и племянника моего Владислава Левицкого, православного вероисповедания, прибывших из Пинского училища на вакационное время, потащили их с собою с ограбленным имуществом». Очевидно, рассказывая о пленении гимназистов, Антон Левицкий несколько лукавит, так как Никодим Левицкий после разгрома отряда Нарбута перешел с рядом повстанцев австрийскую границу и до 1883 г. жил на территории Австрийской империи. После этого его следы теряются [31, с. 436].

Православный священник Лопатинской церкви Пинского уезда Николай Мороз в своем приходе «читал манифесты повстанческих властей с призывом населения к оружию и предлагал местной православной шляхте присоединиться к восстанию. Когда шляхта отказалась, он ответил, что за это может быть «пуля в лоб». В ответ на возражения он заявлял: «Вам нечего бояться, я и себя и вас смогу защитить». Не смог: Николай Мороз был лишен духовного сана и отправлен на 10-летнюю каторгу. Выяснилось, что донес на него священник соседней церкви Страхович [35, с. 4].

Повстанческий террор

Любые военные действия сопряжены с гибелью ни в чем не повинного мирного населения, случайной или намеренной. Относительно событий 1863 г. можно утверждать, что зачастую невинные жертвы были на совести именно прославляемых сейчас повстанцев. Командиры отрядов, не в силах одолеть части регулярной армии на поле боя, вымещали злость на мирном безоружном населении. Были случаи насильственной вербовки в отряды. Гродненский губернатор И. Н. Скворцов в рапорте от 30 декабря 1863 г. на имя М. Н. Муравьева отмечал, говоря о Ромуальде Траугутте: «Желая в шайке своей поддержать дух повиновения, одного из своей банды Квятковского, сам застрелил из пистолета заслушание, другого Маковского, за побег из шайки также хотел расстрелять, и уже сделаны были к тому приготовления, но потом простил. В Пинском уезде по приказанию Траугутта мятежники жестоко наказали двух крестьян и намеревались повесить сельского старшину, но тот от них скрылся» [14, ч. 2, с. 399].

Отметился кровавым следом в регионе и Роман Рогинский. Как свидетельствуют архивные документы, 8 февраля 1863 г. его люди «повстречали в имении Невель Пинского уезда пятисотского Бересневича, повесили его на дереве, потом, сняв и посадив на льду полумертвым, дали в него четыре выстрела» [14, ч. 2, с. 66].

По сведениям современного исследователя истории православной церкви Гордея Щеглова, в селе Хотыничи Пинского уезда отставной рядовой Григорий Крупенич был задушен повстанцами при помощи веревки из его собственных лаптей [33, с. 249]. 1 июля 1863 г. на вербе возле собственного дома был повешен псаломщик Крестовоздвиженской церкви села Святая Воля Федор Юзефович. К повешенному приставили стражу, чтобы тело оставалось так до третьего дня и чтобы «не только десятый, но и двадцатый видел и знал, как противодействовать полякам». При этом палачи, воображая себя «рыцарями-благодетелями», оставили жене повешенного 30 рублей «на воспитание детей» [33, с. 231].

Заключение

В статье предпринята попытка подробного исследования положения в Пинском уезде накануне и в период восстания 1863 г., показано отношение к нему разных социальных слоев населения. Исходя из имеющихся данных можно утверждать, что подавляющее большинство населения Пинского уезда проигнорировало события восстания. Активную позицию заняли только представители поместного дворянства региона, из числа которых практически каждый девятый в той или иной степени имел отношение к восстанию.

Наряду с патриотическим подъемом участие помещиков в восстании можно объяснить и чисто экономическим фактором: еще в первой четверти XIX в. часть помещичьих имений оказалась на грани разорения, и владельцы были вынуждены заложить их в различных банках. Очевидно, что с отменой крепостного права этот процесс значительно ускорился. Поэтому некоторые помещики участие в восстании рассматривали как один из способов улучшить свое незавидное положение. Мы не располагаем конкретными данными по Пинскому уезду, но в целом для белорусских земель такое явление было характерно. Эта версия выглядит спорной, но имеет право на существование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быхаўцаў, М. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Ваўкавыскім павеце / М. Быхаўцаў. – Гродна, 2014.
2. Буднік, І. Ф. Да падзеяў 1863–64 гадоў на Гарадзеншчыне / І. Ф. Буднік. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2013.

3. Хаценчык, З. Падзеі паўстання 1863 года на Вілейшчыне / З. Хаценчык, Д. Канецкі. – Мінск : Кнігазбор, 2013.
4. Якубенец-Чаркоўска, Я. Паўстанне 1863 года ў Свянцянскім павеце / Я. Якубенец-Чаркоўска. – Паставы : Сумежжа, 2013.
5. Заходнебеларускі рэгіён у паўстанні 1863–1864 гг. : зб. дакл. навук.-практ. канф., 12–13 крас. 2013 г. / Брэст : БрДТУ, 2013.
6. Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Вып. 3. 1863 год: Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / уклад. і рэд. А. Е. Тарас. – Рыга : Выд-ва ІБГіК, 2014.
7. Каркотко, А. Ю. Эпізоды польскаго восстанія 1863–1864 гг. на Вілейшчыне. Часть 1. Бой у деревни Владыки / А. Ю. Каркотко // Изв. Лаб. древних цивилизаций. – 2019. – Т. 15, № 1.
8. Каркотко, А. Ю. Эпізоды польскаго восстанія 1863–1864 гг. на Вілейшчыне. Часть 2. Битый Лог / А. Ю. Каркотко // Изв. Лаб. древних цивилизаций. – 2019. – Т. 15, № 3.
9. Лаўрэш, Л. Паўстанне 1863 г. на Лідчыне: за нашу і вашу свабоду / Л. Лаўрэш // Лід. летапісец. – 2013. – № 2.
10. Карпович, О. В. Восстание 1863 г. в Пружанском уезде / О. В. Карпович // Весн. Брэст. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканаміка. Права. – 2013. – № 2. – С. 63–72.
11. Карпович, О. В. Восстание 1863 года в Кобринском уезде / О. В. Карпович // Зап. т-ва аматараў беларус. гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Вып. 3. 1863 год: Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / Уклад. і рэд. А. Е. Тарас. – Рыга : Выд-ва ІБГіК, 2014. – С. 139–148.
12. Карпович, О. В. Восстание 1863 года в Игуменском и Слуцком уездах Минской губернии / О. В. Карпович // Зап. т-ва аматараў беларус. гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Вып. 3. 1863 год: Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / уклад. і рэд. А. Е. Тарас. – Рыга : Выд. ІБГіК, 2014. – С. 149–161.
13. Карпович, О. В. Боевые действия в Брестском, Кобринском и Пружанском уездах в период восстания 1863–1864 годов / О. В. Карпович // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. Гуманитар. науки. – 2014. – № 6 (90). – С. 22–26.
14. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края : в 2 ч. / под общ. ред. А. И. Миллоидова. – Вильно, 1913–1915.
15. Горбачева, О. В. Восстание 1863–1864 гг. и репрессивные мероприятия царизма в Беларуси / О. В. Горбачева // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja. – Kielce, 2005. – S. 111–118.
16. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 109. Оп. 38. Д. 23. О беспорядках в Царстве Польском и западных губерниях. – Ч. 30 : О Романе Рогинском.
17. Землевладельцы Минской губернии, 1861–1900 : справочник / Дмитрий Дрозд. – Минск : Медисонт, 2012. – 703 с.
18. Зеленский, И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния : в 2 ч. / И. Зеленский. – СПб. : Воен. тип., 1864. – Ч. 1. – 672 с. ; Ч. 2. – 701 с.
19. Залескі, Б. З жыцця літвінкі: з лістоў і нататак: 1823–1874 : пер. з пол. / Б. Залескі. – Мінск : Выд-ва Віктара Хурсіка, 2009. – 338 с.
20. Из воспоминаний повстанца (Р. Рогинский) // Ист. вестн. – 1906. – Т. 105. – С. 422–452.
21. Ильин, А. Л. Пинская гимназия в период польского восстания 1863–1864 гг. / А. Л. Ильин // Рос.-пол. ист. альм. – Ставрополь ; Волгоград ; М. : Изд-во СГУ, 2012. – Вып. 6. – С. 55–69.

22. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 46. Алфавитный список политических преступников, имущество которых подлежит конфискации в казну по 1 октября 1864 г.
23. Алфавит Временного отдела штаба Виленского военного округа за 1864 г. // НИАБ. – Ф. 3. Оп. 3. Д. 10.
24. О конфискации имений бывших участников польского восстания 1863 г. и разных лиц, причастных к восстанию // НИАБ. – Ф. 27. Оп. 1. Д. 789.
25. Переписка с Виленским генерал-губернатором и Минской следственной комиссией о проведении расследования, аресте и высылке из губернии лиц, обвиненных в участии, содействии и сочувствии восстанию. Статейные списки лиц, обвинявшихся в участии в восстании // НИАБ. – Ф. 296. Оп. 1. Д. 83.
26. Ведомости об секвестрированных, конфискованных и подвергнутых запрещению имениях и имуществе лиц Минской губ., участвовавших в восстании 1863 г. // НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 6062.
27. Дело о наложении запрета на имущества лиц, участников восстания 1863 г. // НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 34.
28. Циркулярные предписания генерал-губернатора об отпуске воспитанников учебных заведений по Виленскому учебному округу на время каникул в Минскую губернию; списки студентов, не вернувшихся из отпусков // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1524.
29. Дело об участии гимназистов Пинской гимназии и населения Пинского уезда в восстании 1863 г. // НИАБ. – Ф. 1521. Оп. 1. Д. 4.
30. Матвейчык, Д. Ч. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў / Д. Ч. Матвейчык. – Мінск : Медысонт, 2013. – 122 с.
31. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях : Дакументы і матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі / уклад. Д. Ч. Матвейчык ; рэдкал.: У. І. Адамушка [і інш.]. – Мінск : А. М. Вараксін, 2014. – 544 с.
32. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорук. – Минск : Беларус. Энцикл., 2004. – 576 с.
33. Щеглов, Г., диакон. Жертвы польского восстания / диакон Г. Щеглов // Рус. Сб. : исслед. по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов [и др.]. – М. : Модест Колеров, 2013. – Т. XV. – С. 224–247.
34. Góra, S. Początki powstania styczniowego na Litwie i Białorusi oraz działania oddziału Romana Rogińskiego na tych terenach w okresie od 7 lutego do 3 marca 1863 r. / S. Góra // Studia i materiały do Historii Wojskowości. – 1985. – T. 28. – S. 199–211.
35. Poźniak, J. Prawosławny kler w powstaniu styczniowym / J. Poźniak // Kurier Wileński. – 1933. – 28 marca. – № 81. – S. 4.
36. Rok 1863 na Pińszczyźnie / opracował J. Witkowski. – Mensk : Wyd. BAN, 1927. – 195 s.
37. Złobin, E. «Niechaj Polska zna, jakich synów ma». Rok 1863 na Pińszczyźnie / E. Złobin // Echa Polesia. – 2013. – № 1 (37). – S. 21–25.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.02.2020

Karpovich O. V. Events of 1863 Uprising in Pinsk County

The article, based on archival sources and previously published materials, tells about the events of the uprising of 1863 in the territory of Pinsk County. The preparation for the planned performance as well as the attitude of various strata of population in the region is highlighted; a detailed chronology of the fighting rebel forces from the regular army with an indication of the losses of each party is given. The facts of looting and violence committed by the rebels against the civilian population, as well as the murder of residents of the Pinsk district, who remained loyal to the government, are also noted.